

Новый сезон в Театре имени Вл. Маяковского

НА БАРРИКАДАХ СОВЕСТИ

Вступил в 69-й, предъюбилейный сезон Театр имени Вл. Маяковского. И так как время сегодня особенное, несущее театрам встречу с другими, по-новому проявившими себя в дни путча москвичами, сценические коллективы не могут не задумываться и над тем, что происходит вокруг, и над тем, как все это должно отразиться на их репертуаре.

О том, что заботит сегодня «маяковцев», корреспондент «ВМ» А. Абрамова беседует с главным режиссером театра А. ГОНЧАРОВЫМ.

— Есть сильные центробежные силы, которые лишают театр возможности дружно, согласованно работать.

— Почти как в стране...

— Нет, у нас вроде бы такой серьезной опасности нет. Поэтому, прежде чем начать разговор о нас, хотелось бы поздравить многих журналистов, в том числе и вечерочников, с тем, что в дни переворота вы своими подпольными выпусками доказали, что носите название независимой газеты не напрасно. Поздравить вас и... объявить собственную независимость.

Она, правда, осложнена нашим географическим положением: мы как попали два года назад под баррикады, так и остались в них, только в красном доме (речь идет о естественных баррикадах, возникших в результате заткнувшейся реконструкции улицы Герцена). Подходов к театру практически нет, разве что по переулку. Но пока мы не жалуемся и надеемся, что зрители все же доберутся до нас, как добились все предыдущие 68 лет.

Все происшедшее воспринимается нами не только трагически, но и с большой надеждой. Я, например, вспоминаю и свою собственную молодость: первый день объявления войны и уход молодых людей из ГИТИСа на фронт, на защиту Отечества.

И теперь на Красной Пресне возле «Белого дома» оказались и мои студенты из ГИТИСа вместе с некоторыми работниками театра, которые в те дни оставались в Москве.

Очень важно, чтобы этот порыв, гражданский порыв совести и ответственности, лег в основу наших дальнейших раздумий о перспективе жизни театра и нашего репертуара. Когда мы защищали страну на войне — это помогло нам объеди-

нить Отечество. Этот сегодняшний порыв породил действительность, которая полна конфликтов, конфронтаций. И все усилия театральных деятелей должны быть направлены на то, чтобы высветить те непреходящие человеческие нравственные категории, которые театр должен, очевидно, каждый день не только анализировать, но и раскрывать в человеке.

Хочется думать, что ежедневный разговор в зрительном зале предполагает разговор не с толпой, а с душой каждого человека. Надо добираться до этих позиций — до этих духовных исповедей — каждый вечер.

— А как конкретно это выразится в репертуаре?

— Вскоре после открытия мы выезжаем в Израиль на Дни Москвы, куда везем «Леви Макбет Миценского уезда» (спектакль, который живет уже 14 лет) и «Закат», ибо их собственный «Закат», видимо,

не очень их устраивает или израны хотят, может быть, сравнить его с нашим.

— Андрей Александрович, вы начали разговор с центробежных сил, которые мешают работе театра. Что это за силы?

— Главное мое ощущение от драматического искусства, о котором сегодня принято говорить, что оно находится в кризисе, — это потеря его коллективных принципов.

Под влиянием центробежных сил, которые влекут к заработкам, теряется главное составляющее актерской профессии — желание очно, лично встретиться со зрительным залом.

Сейчас много говорят о рынке. Но стремление актера сняться в любом фильме, устроиться в любую телевизионную передачу, независимо от художественного уровня, ведет, на мой взгляд, даже не к рыночной, а к базарной политике, и самое страшное — к дисквалификации артиста, ибо потребность ежедневной театральной исповеди стимулирует актерское творчество, развивает его.

Поэтому те, кого еще не успел развратить коммерческий кинематограф, сегодня являются зоной моих особых интересов — это мои студенты, молодежь, которая еще не успела вступить на «звездный» млечный путь. Ведь «звезды» каждый день зажигаются с нашей помощью, и, значит, как сказал Маяковский, «это кому-нибудь нужно». К сожалению, это, оказывается, больше всего нужно коммерческому кинематографу...

Я не политический деятель. И категорически против политического театра, потому что чаще всего политика безнравственна. Но есть непреходящие ценности, с которыми нельзя расставаться человеку. Мне кажется, в том репертуаре, который мы собираемся ставить, они присутствуют. Во всяком случае, С. Мрожек еще в 75-м году поставил вопрос о них в последней своей пьесе «Горбун». Ее герои, охваченные ностальгией, недоверием, все оказываются «горбунами». Спектакль готов для показа

зрителю в моей постановке и с оформлением Б. Мессерера. Роли играют Т. Васильева, А. Балтер, А. Лазарев, Э. Виторган, А. Болтнев и моя талантливая молодежь, которую пока еще не раздирают в разные стороны всяческие соблазны.

— Что еще вы собираетесь показать в новом сезоне?

— Как ни странно, но больше всего аналогий с сегодняшним днем в серебряном веке нашей литературы. Обязательно буду делать «Петербург» А. Белого. История повторится спиралевидно. Спектакль будет называться «Красное домино». Ставим также «Дни нашей жизни» Л. Андреева. Есть еще В. Набоков — «Событие», а первая премьера сезона — В. Максимов «Кто боится Рея Брэдбери», где театр продолжает тему булгаковского «Бега».

— Я слышала, что многие годы вы идете к Шекспиру, он вас все время притягивает...

— Да, я теперь все больше и больше начинаю понимать, почему во всех произведениях Шекспира так настойчиво утверждается борьба за власть и в них столько жертв.

И поскольку наш придворный Шекспир — Э. Радзинский больше занят сегодня семьей Романовых, вот мы и обратились к его предшественнику, выбрав два произведения. Это «Кориолан», где есть и борьба за власть, и предательство... Заманчивым нам также кажется сегодня задать вопрос: «Как вам это понравится?» (там тоже переворот) — и позвать зрителей в экологически чистую атмосферу леса.

После того как в 42-м году я вышел из госпиталя, повесил на гвоздь парабеллум и пошел к артистам, я понял, что фронтовой театр, которым я руководил, нужен был там очень. И в этих условиях значительно больше необходима была «Женитьба Белугина» с ее широтой, добром и любовью или «Укрощение укротителя», нежели, скажем, пьеса К. Финна «Рузовский лес». С этим ощущением фронтового театра я работаю и сегодня.